

ΛΟΡΕΗΣ

ΣΤΕΡΗ

ЛОРЕНС

СТЕРН

Жизнь и мнения
Тристрама Шенди,
джентльмена

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44
С79

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского *А. Франковского*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Стерн, Лоренс.

С79 Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена : [роман] / Лоренс Стерн ; [перевод с английского А. Франковского]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-178277-1

«Да здравствует радость! Долой печаль!»

Юмор, по мнению Лоренса Стерна, является началом всех начал, ведь он помогает человеку проявить себя как личность и найти верную точку зрения на жизнь.

Вся книга «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» — это грандиозная и ироничная шутка-история, описывающая несколько лет из жизни семейства Шенди. Стерн провозглашает «шендизм» («чудачества») стилем жизни и принимает его сам — а также предлагает читателям — как волшебную пилюлю от жизненных тягот.

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

ТОМ ПЕРВЫЙ

Ταράσσει τοὺς Ἀυθιρῶλους οὐ τὰ Πράγματα,
Ἄλλὰ τὰ περὶ τῶν Πραγμάτων Δόγματα¹.

ДОСТОЧТИМОМУ МИСТЕРУ ПИТТУ

Сэр,

Никогда еще бедняга-писатель не возлагал меньше надежд на свое посвящение, чем возлагаю я; ведь оно написано в глухом углу нашего королевства, в уединенном доме под соломенной крышей, где я живу в постоянных усилиях веселостью оградить себя от недомоганий, причиняемых плохим здоровьем, и других жизненных зол, будучи твердо убежден, что каждый раз, когда мы улыбаемся, а тем более когда смеемся, — улыбка наша и смех кое-что прибавляют к недолгой нашей жизни.

Покорно прошу вас, сэр, оказать этой книге честь, взяв ее (не под защиту свою, она сама за себя постоит, но) с собой в деревню, и если мне когда-нибудь доведется услышать, что там она вызвала у вас улыбку, или можно будет предположить, что в тяжелую минуту она вас развлекла, я буду считать себя столь же счастливым, как министр, или, может быть, даже счастливее всех министров (за одним только исключением), о которых я когда-либо читал или слышал.

Пребываю, великий муж

и (что более к вашей чести)

добрый человек,

вашим благожелателем и

почтительнейшим

соотечественником,

АВТОР

¹ Людей страшат не дела, а лишь мнения об этих делах (*греч.*).

ГЛАВА I

Я бы желал, чтобы отец мой или мать, а то и оба они вместе, — ведь обязанность эта лежала одинаково на них обоих, — поразмыслили над тем, что они делают, в то время, когда они меня зачинали. Если бы они должным образом подумали, сколь многое зависит от того, чем они тогда были заняты, — и что дело тут не только в производстве на свет разумного существа, но что, по всей вероятности, его счастливое телосложение и темперамент, быть может, его дарования и самый склад его ума — и даже, почем знать, судьба всего его рода — определяются их собственной натурой и самочувствием — — если бы они, должным образом все это взвесив и обдумав, соответственно поступили, — — то, я твердо убежден, я занимал бы совсем иное положение в свете, чем то, в котором читатель, вероятно, меня увидит. Право же, добрые люди, это вовсе не такая маловажная вещь, как многие из вас думают; все вы, полагаю, слышали о жизненных духах, о том, как они передаются от отца к сыну, и т. д. и т. д. — и многое другое на этот счет. Так вот, поверьте моему слову, девять десятых умных вещей и глупостей, которые творятся человеком, девять десятых его успехов и неудач на этом свете зависят от движений и деятельности названных духов, от разнообразных путей и направлений, по которым вы их посылаете, так что, когда они пущены в ход, — правильно или неправильно, безразлично, — они в суматохе несутся вперед, как угорелые, и, следуя вновь и вновь по одному и тому же пути, быстро обращают его в проторен-

ную дорогу, ровную и гладкую, как садовая аллея, с которой, когда они к ней привыкнут, сам черт подчас не в силах их сбить. 7

— *Послушайте, дорогой,* — произнесла моя мать, — *вы не забыли завести часы?* — *Господи Боже!* — воскликнул отец в сердцах, стараясь в то же время приглушить свой голос, — *бывало ли когда-нибудь с сотворения мира, чтобы женщина прерывала мужчину таким дурацким вопросом?* — Что же, скажите, разумел ваш батюшка? — — Ничего.

ГЛАВА II

— — Но я положительно не вижу ничего ни хорошего, ни дурного в этом вопросе. — — Но позвольте вам сказать, сэр, что он по меньшей мере был чрезвычайно неуместен, — потому что разогнал и рассеял жизненных духов, обязанностью которых было сопровождать *ГОМУНКУЛА*, идя с ним рука об руку, чтобы в целости доставить к месту, назначенному для его приема.

Гомункул, сэр, в каком бы жалком и смешном свете он ни представлялся в наш легкомысленный век взорам глупости и предубеждения, — на взгляд разума, при научном подходе к делу, признается *существом*, огражденным принадлежащими ему правами. — — Философы ничтожно малого, которые, кстати сказать, обладают наиболее широкими умами (так что душа их обратно пропорциональна их интересам), неопровержимо нам доказывают, что *гомункул* создан той же рукой, — повинуется тем же законам природы, — наделен теми же свойствами и способностью к передвижению, как и мы; — — что, как и мы, он состоит из кожи, волос, жира, мяса, вен, артерий, связок, нервов, хрящей, костей, костного и головного мозга, желез, половых органов, крови, флегмы, желчи и сочленений; — — — является существом столь же деятельным — и во всех отношениях точно таким же нашим ближним, как английский лорд-канцлер. Ему можно оказать услуги, можно его обидеть, — можно дать ему удовлетворение; словом, ему присущи все притязания и права, которые Туллий, Пуфендорф и лучшие писатели-моралисты при-

8 знают вытекающими из человеческого достоинства и отношений между людьми.

А что, сэр, если в дороге с ним, одиноким, приключится какое-нибудь несчастье? — или если от страха перед несчастьем, естественного в столь юном путешественнике, паренек мой достигнет места своего назначения в самом жалком виде, — — вконец измотав свою мышечную и мужскую силу, — приведя в неопишное волнение собственных жизненных духов, — и если в таком плачевном состоянии расстройства нервов он пролежит девять долгих, долгих месяцев сряду, находясь во власти внезапных страхов или мрачных сновидений и картин фантазии? Страшно подумать, какой богатой почвой послужило бы все это для тысячи слабостей, телесных и душевных, от которых потом не могло бы окончательно его вылечить никакое искусство врача или философа.

ГЛАВА III

Приведенным анекдотом обязан я моему дяде, мистеру Тоби Шенди, которому отец мой, превосходный натурфилософ, очень увлекавшийся тонкими рассуждениями о ничтожнейших предметах, часто горько жаловался на причиненный мне ущерб; в особенности же один раз, как хорошо помнил дядя Тоби, когда отец обратил внимание на странную косолапость (собственные его слова) моей манеры пускать волчок; разъяснив принципы, по которым я это делал, — старик покачал головой и тоном, выразившим скорее огорчение, чем упрек, — сказал, что все это давно уже чуяло его сердце и что как теперешнее, так и тысяча других наблюдений твердо его убеждают в том, что никогда я не буду думать и вести себя подобно другим детям. — — *Но, увы!* — продолжал он, снова покачав головой и утирая слезу, катившуюся по его щеке, — *несчастья моего Тристрама начались еще за девять месяцев до его появления на свет.*

Моя мать, сидевшая рядом, подняла глаза, — но так же мало поняла то, что хотел сказать отец, как ее спина, — зато мой дядя, мистер Тоби Шенди, который много раз уже слышал об этом, понял отца прекрасно.

ГЛАВА IV

Я знаю, что есть на свете читатели, — как и множество других добрых людей, вовсе ничего не читающих, — которые до тех пор не успокоятся, пока вы их не посвятите от начала до конца в тайны всего, что вас касается.

Только во внимание к этой их прихоти и потому, что я по природе не способен обмануть чьи-либо ожидания, я и углубился в такие подробности. А так как моя жизнь и мнения, вероятно, произведут некоторый шум в свете и, если предположения мои правильны, будут иметь успех среди людей всех званий, профессий и толков, — будут читаться не меньше, чем сам «Путь паломника», — пока им напоследок не выпадет участь, которой Монтень опасался для своих «Опытов», а именно — валяться на окнах гостиных, — то я считаю необходимым уделить немного внимания каждому по очереди и, следовательно, должен извиниться за то, что буду еще некоторое время следовать по избранному мной пути. Словом, я очень доволен, что начал историю моей жизни так, как я это сделал, и могу рассказывать в ней обо всем, как говорит Гораций, *ab ovo*.

Гораций, я знаю, не рекомендует этого приема; но почтенный этот муж говорит только об эпической поэме или о трагедии (забыл, о чем именно); — — а если это, помимо всего прочего, и не так, прошу у мистера Горация извинения, — ибо в книге, к которой я приступил, я не намерен стеснять себя никакими правилами, будь то даже правила Горация.

А тем читателям, у которых нет желания углубляться в подобные вещи, я не могу дать лучшего совета, как предложить им пропустить остающуюся часть этой главы; ибо я заранее объявляю, что она написана только для людей пытливых и любознательных.

— — — — — Затворите двери. — — — — — Я был зачат в ночь с первого воскресенья на первый понедельник месяца марта, лета Господня тысяча семьсот восемнадцатого. На этот счет у меня нет никаких сомнений. — А столь подробными сведениями относительно события, совершившегося до моего рождения, обязан я другому маленькому анекдоту, известному только в нашей семье, но ныне оглашаемому для лучшего уяснения этого пункта.

10 Надо вам сказать, что отец мой, который первоначально вел торговлю с Турцией, но несколько лет назад оставил дела, чтобы поселиться в родовом поместье в графстве *** и окончить там дни свои, — отец мой, полагаю, был одним из пунктуальнейших людей на свете во всем, как в делах своих, так и в развлечениях. Вот образчик его крайней точности, рабом которой он поистине был: уже много лет как он взял себе за правило в первый воскресный вечер каждого месяца, от начала и до конца года, — с такой же неукоснительностью, с какой наступал воскресный вечер, — — собственноручно заводить большие часы, стоявшие у нас на верхней площадке черной лестницы. — А так как в пору, о которой я завел речь, ему шел шестой десяток, — то он мало-помалу перенес на этот вечер также и некоторые другие незначительные семейные дела, чтобы, как он часто говаривал дяде Тоби, отделаться от них всех сразу и чтобы они больше ему не докучали и не беспокоили его до конца месяца.

Но в этой пунктуальности была одна неприятная сторона, которая особенно больно сказалась на мне и последствия которой, боюсь, я буду чувствовать до самой могилы, а именно: благодаря несчастной ассоциации идей, которые в действительности ничем между собой не связаны, бедная моя мать не могла слышать, как заводятся названные часы, — без того, чтобы ей сейчас же не приходили в голову мысли о кое-каких других вещах, — и *vice versa*¹. Это странное сочетание представлений, как утверждает проныцательный Локк, несомненно понимавший природу таких вещей лучше, чем другие люди, породило больше нелепых поступков, чем какие угодно другие причины для недоразумений.

Но это мимоходом.

Далее, из одной заметки в моей записной книжке, лежащей на столе передо мной, явствует, что «в день Благовещения, приходившийся на 25-е число того самого месяца, которым я помечаю мое зачатие, отец мой отправился в Лондон с моим старшим братом Бобби, чтобы определить его в Вестминстерскую школу», а так как тот же источник свидетельствует, «что он вернулся к своей

¹ Наоборот (*лат.*).

жене и семейству только на *второй неделе мая*», — то событие устанавливается почти с полной достоверностью. Впрочем, сказанное в начале следующей главы исключает на этот счет всякие сомнения. 11

— — — Но скажите, пожалуйста, сэр, что делал ваш папаша в течение всего декабря, января и февраля? — Извольте, мадам, — все это время у него был приступ ишиаса.

ГЛАВА V

Пятого ноября 1718 года, то есть ровно через девять календарных месяцев после вышеустановленной даты, с точностью, которая удовлетворила бы резонные ожидания самого придирчивого мужа, — я, *Тристрам Шенди*, джентльмен, появился на свет на нашей шелудивой и несчастной земле. — Я бы предпочел родиться на Луне или на какой-нибудь из планет (только не на Юпитере и не на Сатурне, потому что совершенно не переношу холода); ведь ни на одной из них (не поручусь, впрочем, за Венеру) мне заведомо не могло бы прийти хуже, чем на нашей грязной, дрянной планете, — которую я, по совести, считаю, чтобы не сказать хуже, сделанной из оскребков и обрезков всех прочих; — — она, правда, достаточно хороша для тех, кто на ней родился с большим именем или с большим состоянием или кому удалось быть призванным на общественные посты и должности, дающие почет или власть; — но это ко мне не относится; — — а так как каждый склонен судить о ярмарке по собственной выручке, — то я снова и снова объявляю землю дряннейшим из когда-либо созданных миров; — ведь, по чистой совести, могу сказать, что с той поры, как я впервые втянул в грудь воздух, и до сего часа, когда я едва в силах дышать вообще, по причине астмы, схваченной во время катанья на коньках против ветра во Фландрии, — я постоянно был игрушкой так называемой Фортуны; и хоть я не стану понапрасну пенять на нее, говоря, будто когда-нибудь она дала мне почувствовать тяжесть большого или из ряда вон выходящего горя, — все-таки, проявляя величайшую снисходи-

12 тельность, должен засвидетельствовать, что во все периоды моей жизни, на всех путях и перепутьях, где только она могла подступить ко мне, эта немилостивая владычица насылала на меня кучу самых прискорбных злключений и невзгод, какие только выпадали на долю маленького *героя*.

ГЛАВА VI

В начале предыдущей главы я вам точно сообщил, *когда* я родился, — но я вам не сообщил, *как* это произошло. *Нет*; частность эта припасена целиком для отдельной главы; — кроме того, сэр, поскольку мы с вами люди в некотором роде совершенно чужие друг другу, было бы неудобно выложить вам сразу слишком много касающихся меня подробностей. — Вам придется чуточку потерпеть. Я затеял, видите ли, описать не только жизнь мою, но также и мои мнения, в надежде и в ожидании, что, узнав из первой мой характер и уяснив, что я за человек, вы почувствуете больше вкуса к последним. Когда вы побудете со мною дольше, легкое знакомство, которое мы сейчас завязываем, перейдет в короткие отношения, а последние, если кто-нибудь из нас не сделает какой-нибудь оплошности, закончатся дружбой. — — *O diem praesclagum!*¹ — тогда ни одна мелочь, если она меня касается, не покажется вам пустой или рассказ о ней — скучным. Поэтому, дорогой друг и спутник, если вы найдете, что в начале моего повествования я несколько сдержан, — будьте ко мне снисходительны, — позвольте мне продолжать и вести рассказ по-своему, — — и если мне случится время от времени порезвиться дорогой — или порой надеть на минутку-другую шутовской колпак с колокольчиком, — не убегайте, — но любезно вообразите во мне немного больше мудрости, чем то кажется с виду, — и смейтесь со мной или надо мной, пока мы будем медленно трусить дальше; словом, делайте что угодно, — только не теряйте терпения.

¹ О славный день! (*лат.*)

ГЛАВА VII

В той же деревне, где жили мои отец и мать, жила повивальная бабка, сухощавая, честная, заботливая, домовитая, добрая старуха, которая с помощью малой толики простого здравого смысла и многолетней обширной практики, в которой она всегда полагалась не столько на собственные усилия, сколько на госпожу Природу, — приобрела в своем деле немалую известность в свете; — только я должен сейчас же довести до сведения вашей милости, что словом *свет* я здесь обозначаю не весь круг большого света, а лишь вписанный в него маленький кружок около четырех английских миль в диаметре, центром которого служил домик нашей доброй старухи. — — На сорок седьмом году жизни она осталась вдовой, без всяких средств, с тремя или четырьмя маленькими детьми, и так как была она в то время женщиной степенного вида, приличного поведения, — немногоречивой и к тому же возбуждавшей сострадание: безропотность, с которой она переносила свое горе, тем громче взывала к дружеской поддержке, — то над ней сжалилась жена приходского священника: последняя давно уже сетовала на неудобство, которое долгие годы приходилось терпеть пастве ее мужа, не имевшей возможности достать повивальную бабку, даже в самом крайнем случае, ближе, чем за шесть или семь миль, каковые семь миль в темные ночи и при скверных дорогах, — местность кругом представляла сплошь вязкую глину, — обращались почти в четырнадцать, что было иногда равносильно полному отсутствию на свете всяких повивальных бабок; вот сердобольной даме и пришло на ум, каким было бы благодеянием для всего прихода и особенно для бедной вдовы немного подучить ее повивальному искусству, чтобы она могла им кормиться. А так как ни одна женщина поблизости не могла бы привести этот план в исполнение лучше, чем его составительница, то жена священника самоотверженно сама взялась за дело и, благодаря своему влиянию на женскую часть прихода, без особого труда довела его до конца. По правде говоря, священник тоже принял участие в этом предприятии и, чтобы устроить все как полагается, то есть предоставить бедной женщине законные права на занятие делом, которому она обучалась

14 у его жены, — — с большой готовностью заплатил судебные пошлины за патент, составившие в общем восемнадцать шиллингов и четыре пенса; так что с помощью обоих супругов добрая женщина действительно и несомненно была введена в обязанности своей должности со всеми связанными с нею *правами, принадлежностями и полномочиями* какого бы то ни было рода.

Эти последние слова, надо вам сказать, не совпадали со старинной формулой, по которой обыкновенно составлялись такие патенты, привилегии и свидетельства, до сих пор выдававшиеся в подобных случаях сословию повивальных бабок. Они следовали изящной формуле Дидия его собственного изобретения; чувствуя необыкновенное пристрастие ломать и создавать заново всевозможные вещи подобного рода, он не только придумал эту тонкую поправку, но еще и уговорил многих, давно уже дипломированных, матрон из окрестных мест вновь представить свои патенты для внесения в них своей выдумки.

Признаться, никогда подобные причуды Дидия не возбуждали во мне зависти, — — но у каждого свой вкус. Разве для доктора Кунастрокия, этого великого человека, не было величайшим удовольствием на свете расчесывать в часы досуга ослиные хвосты и выдергивать зубами посевшие волоски, хотя в кармане у него всегда лежали щипчики? Да, сэр, если уж на то пошло, разве не было у мудрейших людей всех времен, не исключая самого Соломона, — разве не было у каждого из них своего *конька*: скаковых лошадей, — монет и ракушек, барабанов и труб, скрипок, палитр, — — коконов и бабочек? — и покуда человек тихо и мирно скачет на своем *коньке* по большой дороге и не принуждает ни вас, ни меня сесть вместе с ним на этого конька, — — скажите на милость, сэр, какое вам или мне дело до этого?

ГЛАВА VIII

De gustibus non est disputandum¹ — это значит, что о *коньках* не следует спорить; сам я редко это делаю, да

¹ О вкусах не спорят (*лат.*).

и не мог бы сделать пристойным образом, будь я даже их заклятым врагом; ведь и мне случается порой, в иные фазы луны, бывать и скрипачом, и живописцем, смотря по тому, какая муха меня укусит; да будет вам известно, что я сам держу пару лошадок, на которых по очереди (мне все равно, кто об этом знает) частенько выезжаю погулять и подышать воздухом; — иногда даже, к стыду моему надо сознаться, я предпринимаю несколько более продолжительные прогулки, чем следовало бы на взгляд мудреца. Но все дело в том, что я не мудрец; — — — и, кроме того, человек настолько незначительный, что совершенно не важно, чем я занимаюсь; вот почему я редко волнуюсь или кипячусь по этому поводу, и покой мой не очень нарушается, когда я вижу таких важных господ и высоких особ, как нижеследующие, — таких, например, как милорды А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П и так далее, всех подряд сидящими на своих различных коньках; — иные из них, отпустив стремяна, двинутся важным размеренным шагом, — — — другие, напротив, подогнув ноги к самому подбородку, с хлыстом в зубах, во весь опор мчатся, как пестрые жокеи-чертенята верхом на неприкаянных душах, — — — точно они решили сломать себе шею. — Тем лучше, — говорю я себе; — ведь если случится самое худшее, свет отлично без них обойдется; — а что касается остальных, — — — что ж, — — — помоги им Бог, — — пусть себе катаются, я им мешать не буду; ведь если их сиятельства будут выбиты из седла сегодня вечером, — — ставлю десять против одного, что до наступления утра многие из них окажутся верхом на еще худших конях.

Таким образом, ни одна из этих странностей не способна нарушить мой покой. — — — Но есть случай, который, признаться, меня смущает, — именно, когда я вижу человека, рожденного для великих дел и, что служит еще больше к его чести, по природе своей всегда расположенного делать добро; — — когда я вижу человека, подобного вам, милорд, убеждения и поступки которого столь же чисты и благородны, как и его кровь, — и без которого по этой причине ни на мгновение не может обойтись развращенный свет; — когда я вижу, милорд, такого человека разъезжающим на своем коньке хотя бы минутой дольше